

Истоки политики ядерного шантажа

КОММУНИСТ 1985 № 12

Э то произошло в 8 часов 15 минут 30 секунд утра 6 августа 1945 года. Адское пламя сожгло Хиросиму. Три дня спустя та же участь постигла Нагасаки. Их уничтожение не вызывалось военной необходимостью. Капитуляция Японии была предreshена. Американская разведка уже в период Потсдамской конференции доложила руководителям США и Англии, что японцы прекратят борьбу, как только СССР вступит в войну. Однако перспектива, когда победа не только в Европе, но и на Дальнем Востоке связывалась бы в сознании общественности с выдающейся ролью СССР в разгроме агрессоров, никак не устраивала Вашингтон. Там к этому времени укоренились совсем иные настроения и планы, там замыслили узурпировать плоды великой общей победы.

Японские города стали не только последними руинами второй мировой войны, но и первыми жертвами новой «большой политической стратегии» Соединенных Штатов. Заокеанские правители подняли над планетой атомный гриб как символ исключительности и всемогущества Америки, как отовсюду зримый указующий перст, как анонс грядущего «американского века». «Да будет так, как есть (в США), или да ничего не будет», — грозно предостерегали всех, не оставляя сомнений в том, что американский империализм не замедлит повторить то же самое сто, тысячу, множество раз до полного истребления жизни на Земле.

Кому понадобилось превращать финал второй мировой войны в пролог следующей? Казалось, наконец-то закрыта самая черная и трудная глава в истории человечества, которое вышло из жесточайшей борьбы обогатившись опытом конструктивного взаимодействия государств с различным строем во имя высших интересов народов. Насилие было поставлено вне закона, и не существовало межгосударственных проблем, которые не поддавались бы решению на основе принципов добрососедства, равенства и взаимной пользы.

Так думали не только рядовые граждане, далекие от хитросплетений дипломатии. Большинство политических и государственных деятелей, парламентариев, представителей культуры, науки и экономики искренне считало, что за каждым словом держав-победительниц, обещавших людям всех стран возможность жить и трудиться, не ведая страха и нужды, стояла твер-

ФАЛИН Валентин Михайлович — дипломат, политический и общественный деятель, доктор исторических наук.

дая решимость претворить свои заверения в дела, что клятвы верности союзническому долгу выражали подлинную добрую волю, что боевая дружба получит достойное продолжение в мирные дни, в открывавшуюся, хотелось верить, целую мирную эпоху.

Но в руководящих сферах США имелись влиятельные силы, которые полагали, что пора прочного мира еще не пришла, что главные схватки впереди — в походе Вашингтона за мировую гегемонию. Реально только СССР был способен встать поперек дороги. Соответственно на нас стали смотреть как на главного противника, и вопрос сводился к тому, когда и какими средствами реализовать вожделенные замыслы.

Близкий друг и советник президента Ф. Рузвельта — Г. Гопкинс отмечал в набросках к (ненаписанной) книге о пережитом: «В Америке немало людей, коим очень хотелось, чтобы наши армии, пройдя через Германию, начали войну с Россией. Они никого не представляют, кроме самих себя, ни одно уважающее себя правительство в нашей стране не может позволить, чтобы эта группа влияла на его официальные действия». Если даже это была всего только группа, то группа могущественная. В силу обстоятельств она оказалась в роковой момент у руля американского государственного корабля.

12 апреля 1945 года скоропостижно скончался Ф. Рузвельт. Пост президента США унаследовал Г. Трумэн, тот самый сенатор из штата Миссури, который после вероломного нападения гитлеровского «рейха» на Советский Союз изрек: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, мы будем помогать России; если выигрывать будет Россия, мы будем помогать Германии. И пусть они возможно больше убивают друг друга». Это была не оговорка, не риторическая пошлость. Сенатор изложил свое политическое кредо.

Буквально через неделю после вступления в должность новоиспеченный президент дал понять послу США в Москве А. Гарриману, что намерен круто менять подход к СССР. Соединенные Штаты, рассуждал Г. Трумэн, «конечно, не могут получить 100 процентов того, что хотят, но в важных вопросах... мы должны быть в состоянии получить 85 процентов желаемого». Для этого нужны «решительность и твердость». Практикуя их, США, по словам главы администрации, ничем не рисковали, ибо с окончанием войны Советский Союз должен был быть больше заинтересован в американцах, чем последние в СССР.

На совещании в Белом доме 23 апреля Г. Трумэн вообще поставил под сомнение полезность соглашений с Москвой. «Это (советско-американское сотрудничество) нужно ломать сейчас или никогда... Если русские не хотят идти вместе с нами, пускай они идут к черту», — горячился президент. Хорошо, что он еще не был посвящен в тайны «манхэттенского проекта» и считывал прежде всего на экономические рычаги давления.

В курс дел с разработкой ядерного оружия Г. Трумэна ввели 25 апреля. Военный министр Г. Стимсон не пожалел красок, чтобы преподнести атомную бомбу как ключ к неограниченной власти США и патентованное средство для «определения дальнейших отношений с другими странами». Все обсуждение заняло 15 минут. В эти четверть часа, констатирует американский исследователь, бомба превратилась в «доминанту послевоенного планирования». Тут же рескриптом президента был учрежден «временный комитет» для оперативного рассмотрения вопросов применения нового оружия. По

поводу развернувшейся бурной активности Р. Оппенгеймер, один из научных столпов «манхэттенского проекта», позднее заметит: «Я не думаю, чтобы когда-нибудь трудились быстрее, чем в период после капитуляции Германии».

Г. Трумэн и его доверенные лица нетерпеливо ждали испытания ядерного взрыва, чтобы окончательно определиться, бжюсти ли, в каком объеме и как долго «священные обязательства» союзничества, сделавшего, как было подчеркнато в Ялте главами трех держав, «победу возможной и несомненной для Объединенных Наций». Графику испытаний подчинялась линия Вашингтона при согласовании с Москвой и Лондоном даты проведения новой встречи в верхах, так как Потсдамская конференция рассматривалась за океаном в качестве пробного поля для первых шагов атомной дипломатии.

16 июля 1945 года ядерное устройство было взорвано на полигоне Аламогордо. На следующий день открылась конференция в Потсдаме. 21 июля отчет о результатах испытаний был доставлен Г. Трумэну и наполнил его, согласно записи в президентском дневнике, «совершенно новым чувством уверенности». Руководитель США попытался с ходу превратить «уверенность» в политический капитал. Но, к вящему разочарованию его самого и У. Черчилля, И. В. Сталин совершенно спокойно прореагировал на переданное ему в неофициальном разговоре сообщение о появлении у американцев «бомбы необычайно большой силы», «из ряда вон выходящего нечто, могущего решающим образом повлиять на волю японцев продолжать войну». Всем своим видом глава Советского правительства недвусмысленно дал понять, что в отношении СССР шантаж не пройдет.

Как свидетельствуют факты, адаптация к новой ядерной роли и планирование атомных бомбардировок Японии поглощали у Г. Трумэна большую часть его внимания и времени в Потсдаме. 24 июля президент утвердил приказ о применении «примерно 3 августа» (после его отъезда из Берлина и до вступления СССР в войну на Дальнем Востоке) «особой бомбы» против «одного из объектов — Хиросима, Кокура, Ниигата, Нагасаки». Считалось, что без «испытания на полях сражений», на людях атомный кулак не нальется достаточным весом. Именно на людях. Предварительные наметки сбросить бомбу на японские военные корабли были изменены сначала в пользу «значительного промышленного объекта», а затем — приняв к сведению данные испытаний — остановились на «крупном городе». Удар хладнокровно рассчитывался так, чтобы вызвать максимальное количество жертв, чтобы он надолго запомнился.

Решение носило сугубо политический характер и имело несколько адресов. Г. Трумэн знал, что 9 августа Красная Армия выступит против крупнейшей Квантунской группировки японских войск, но СССР не известили о предстоящей бомбардировке, призванной сломить «волю японцев» к сопротивлению. Не потому, что вдруг усомнились в важности советского вклада в разгром японского милитаризма. Это У. Черчилль резвился, приветствуя атомную бомбу как «второе пришествие Христа» и заявляя, что «русские больше нам не нужны». Вашингтонские деятели, особенно из числа военных, были осторожней: реакция японцев не поддавалась прогнозу. В наличии имелось только две бомбы, да и осечка не исключалась. Оставляя

Советский Союз в неведении относительно приказа подвергнуть Японию атомным налетам, Вашингтон намеревался превратить бомбу в краеугольный камень нового самодержавного курса, монополизировать не только само оружие, но и всяческие «дивиденды» с него. Короче, ядерный удар по Японии явился, если пользоваться выражением заместителя министра обороны США Ф. Икле, «актом терроризма в беспрецедентных масштабах». Полмиллиона японцев обрекались на смерть и мучения, дабы застолбить претензии американского империализма на мировую гегемонию и, по выражению Дж. Бирнса, «сделать Россию податливой».

Так наружу вылезали задумки, закладывавшиеся в американскую атомную программу с 1942 года. Значит, «манхэттенский проект», учрежденный под девизом упредить немцев в создании ядерного оружия, изначально имел двойное дно.

В Вашингтоне долго нервничали, не имея точной информации о состоянии немецких разработок. Неуверенность сохранялась вплоть до высадки союзников 6 июня 1944 года в Нормандии. По пятам за американскими десантниками двигались сотрудники «научной разведки манхэттенского проекта». Развертывалась секретная «операция Алсос». Шла охота за данными о немецком «сверхоружии», за самими немецкими учеными и аппаратурой, которой они пользовались. Все, что невозможно было прихватить и отправить в США, подлежало уничтожению на месте, чтобы не попало в руки «русских и французов».

Добравшись до городка Хайгало, агенты Алсос окончательно установили, что у немцев атомного оружия нет и до конца войны не будет. Вроде бы отпала первопричина, вызвавшая к жизни «манхэттенский проект». Что дальше? Свертывать американские работы? Такая возможность, по свидетельству участника создания атомных бомб В. Уайскопфа, даже не обсуждалась. Из воспоминаний ведущего специалиста проекта Л. Сциларда следует, что ученых не слишком щедро снабжали данными о положении дел у немцев. Чтобы не расхолаживались или, хуже того, не предавались эмоциям, подобно тому же Л. Сциларду и А. Эйнштейну, которые в марте 1945 года обратились к президенту США с призывом отказаться от атомных бомбардировок Японии, предотвратить гонку ядерных вооружений и военное применение атомной энергии вообще.

Но если для ответственных ученых отсутствие у противника ядерного оружия было аргументом «против» использования своей бомбы, то для многих политиков в Вашингтоне и Лондоне это — весомый аргумент «за» ее применение. Когда и как выбирались кандидаты на заклятие? Сия тема специально обсуждалась 18 сентября 1944 года Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в Гайд-парке. Президент и премьер согласились в том, что работа над атомной бомбой должна продолжаться в условиях «величайшей секретности» и что, когда бомба будет готова, «она, возможно, по зрелом размышлении будет использована против японцев, которых надо предупредить, что такая бомбардировка будет повторяться, пока они не капитулируют».

Можно только гадать, как представлял себе Ф. Рузвельт будущее ядерной энергетики, ее мирное и военное применение, чем бы закончились его «зрелые размышления». Но что вне дискуссий — президент делал ставку на то, что атомное оружие будет привилегией США и, возможно, Англии. Допуск

СССР к ядерной технологии должен был быть всемерно затруднен. Для этого параллельно с созданием бомбы с 1943 года осуществлялась сверхтайная глобальная программа выявления запасов и месторождений урана и тория на предмет установления над ними единоличного американского контроля. После поражения Германии интенсивность усилий в этом направлении резко повысилась. США форсировали переговоры, в частности, с Голландией, Швецией, Бразилией о предоставлении американцам преимущественных прав на расщепляющиеся материалы.

Таким образом, линия на монополию и в любом случае на обеспечение Соединенным Штатам подавляющего превосходства строилась не на эфемерном «сокрытии атомных секретов», а в первую голову на блокировании Советскому Союзу доступа к расщепляющимся материалам за рубежом, ибо считалось, что у нас самих стоящих месторождений нет. Меры по «ограждению интересов» Вашингтона планировались на 50—100 лет вперед, и в 1945 году господствовало мнение, что на создание одной-единственной атомной бомбы СССР потребуются около 20 лет и что даже после этого Запад, захвативший важнейшие источники сырья, сохранит решающее лидерство в гонке ядерных вооружений. Эта оценка была положена в основу всех крупнейших послевоенных акций США.

Япония безоговорочно капитулировала 2 сентября 1945 года. Вторая мировая война завершилась. А к ноябрю 1945 года в основных чертах сложился новый курс США в мировых делах, чуждый Тегерану, Ялте и Потсдаму. Вашингтон сжигал мосты согласия и сотрудничества в высокомерном убеждении, что ему нет надобности с кем-то ладить: все искомое американцы смогут скупить или отнять. Атомная бомба, утверждал Г. Трумэн, «не только революционизирует войну, но способна изменить ход истории и цивилизации». «Наличие этой новой разрушительной силы, — откровенничал американский президент, — мы рассматриваем как священное благоволение». Остановить прогресс, повернуть историю вспять — в этом заключалась сокровенная мечта заокеанских толстосумов. Здесь черпали вдохновение их политические уполномоченные и военные служаки.

Когда вашингтонским деятелям мерещилось, что «наличие атомной бомбы в арсеналах Соединенных Штатов дает им на будущее постоянное преимущество перед другими народами», когда они мнили себя распорядителями судеб землян, можно ли было ждать от США согласия на ликвидацию этого варварского оружия? Или хотя бы запрещения его использования по аналогии с Женевским протоколом о химических отравляющих веществах и бактериологических средствах? «Мир придется всегда строить на силе. Справедливости, доброй воли и добрых дел недостаточно», — постановил тогдашний хозяин Белого дома. Ядерное оружие рекламировалось как концентрат силы, к тому же доступный в ту пору одним Соединенным Штатам. Под гонку вооружений и противоборство подводилась монументальная основа. Сила превыше всего и навсегда. Американскому милитаризму обустроивали особое, привилегированное место в пирамиде власти. Имперской спесью заражали нацию.

На календаре — 1945—1946—1947 годы. Не разобраны еще развалины минувшей войны. Еще от военных ран умирают и умирают люди. С чего же официально Вашингтону так неуютно под мирным небом? Отчего он

неистово спешит опорочить и предать забвению сотрудничество с СССР, почему алчет ссор?

Выпадение германских и японских соперников из клуба великих держав вполне устраивало американских правителей. Они не горевали по поводу ослабления Англии и Франции, а также распада их колониальных империй. Но все это с той непременно оговоркой, что универсальным наследником ставшего «бесхозным» и «выморочным» имущества станут Соединенные Штаты и никто другой. Провал попыток одного из империалистических отрядов утвердить свое мировое господство не должен был, по логике Вашингтона, повлечь за собой отказ от общей установки на всевластие капитала.

Империалистическую реакцию не устраивали социальные и международно-политические итоги победы. Обстановка в мире приняла оборот слишком демократический — не по форме, а по самой сути своей. Народные массы оказались не на задворках, а на авансцене истории. Они требовали, чтобы с их интересами считались. «Улицу», «чернь», «толпу» следовало как можно быстрее загнать в строгие рамки «парламентской демократии», чтобы каждый знал свой шесток.

Предстояло, однако, мнение меньшинства навязать большинству, которое, радуясь окончанию мировой войны, ждало возвращения американских солдат домой и перевода жизни страны на мирные рельсы. Дж. Маршалл констатировал, что «страна оказывается в состоянии широко распространенного эмоционального кризиса», из-за которого демобилизация переросла в дезинтеграцию не только вооруженных сил, но, вероятно, «всей концепции мировой ответственности». Г. Трумэн опасался, что демобилизация лишит США средств «добиться выполнения своих требований». Срочно нужен был противник, мишень сначала для пропаганды, а затем и для возможного применения американской военной мощи.

Если противника нет — его создают. Объединенный комитет начальников штабов США утвердил 19 сентября и 9 октября 1945 года соответственно «основы формулирования американской военной политики» (документ 1496/2) и «стратегическую концепцию и план использования вооруженных сил США» (документ 1518). Их суть передает следующий тезис: «Если станет известно, что против нас готовятся выступить войска потенциального противника, мы не можем позволить себе, чтобы из-за наших ложных и опасных идей о недопустимости собственных агрессивных действий нам был нанесен первый удар». Начальники штабов затверждали доктрину превентивных действий, предложенную ими же сразу после атомных бомбардировок Японии, доктрину, которая, как подчеркивали военные, «отличается от американских концепций войны в прошлом».

Уже в конце 1945 года конструируются модели реальной войны с Советским Союзом на случай «явной угрозы советского нападения» или создания советской наукой и промышленностью предпосылок для «эventуального нападения на США или защиты против нашего (американского. — В. Ф.) нападения». Атомные бомбы имелось в виду задействовать против 20 крупных городов. Среди них — Москва, Ленинград, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Саратов, Казань, Баку, Тбилиси, Ташкент. В перечне отсутствуют Киев, Минск, Харьков, Сталинград, Ростов. Они уже превращены в руины

нацистами и на день составления первого плана атомной агрессии против СССР — 3 ноября 1945 года — еще не поднялись из развалин.

Пройдет полгода, и появится «экспериментальный» комплексный план войны «Пинчер». В процессе увязки его составных частей обнаружится, что аппетиты опережают возможности — американские ВВС не дотягиваются до объектов, расположенных в глубине советской территории. Решено подключить к «воздушно-атомному нападению» базы в третьих странах, в частности в Турции и, если получится, в Италии и Китае. Мысль настолько понравилась, что в модифицированном «Пинчере» — плане «Бройлер» (1947 год) фигурируют также базы в Англии, Египте, Индии, на островах Рюкю, а по плану «Граббер» (1948 год) — в Пакистане и на Окинаве. За исключением баз в Англии, на Окинаве и Рюкю, намеченные для развязывания агрессии плацдармы подлежали заблаговременному внезапному захвату воздушно-десантными войсками США. Кроме того, предполагалось, что после налетов на некоторые отдаленные районы американские бомбардировщики будут садиться в «дружественных странах» или осуществлять якобы «вынужденную посадку» на аэродромах нейтралов. А международное право, Устав ООН, элементарная порядочность, наконец, — как с ними? Послевоенный Вашингтон нагло третировал законность. Нейтралитет был объявлен «аморальным», социалистические страны и их друзья назывались «территорией, временно захваченной врагом».

Нелишне подчеркнуть, что во внешнем мире не происходило ничего, что могло бы быть преподнесено как «основание» для размолвки между вчерашними союзниками. Зато в избытке было желание заокеанских претендентов на мировое господство, пользуясь временной атомной монополией, прибегать к политике ядерного шантажа и запугивания. США, заявлял министр военно-морского флота Дж. Форрестол, в состоянии идти напролом, пока они смогут «превосходить мир по уровню производства, контролировать моря и наносить удары в глубину территорий противника... Пока ни одно государство не приобрело способности нанести по Соединенным Штатам удар с помощью оружия массового уничтожения».

Размах и интенсивность намечаемых ядерных ударов ограничены — в планах и сознании их авторов — лишь наличными запасами оружия и калкулируемым военным эффектом. В марте 1947 года военный министр Р. Паттерсон наставлял генерала Д. Эйзенхауэра «следовать политике, предусматривающей неограниченное использование ядерной энергии для ведения войны». Предполагалось, что массированное применение ядерного оружия сократит собственные потери и облегчит втягивание в войну союзников. Помимо атомного, планировалось также широко применять радиологическое, химическое и бактериологическое оружие для достижения «внезапности и серьезного ущерба жизненно важным элементам советского военного потенциала», для обеспечения Соединенным Штатам «весьма значительных и непреходящих преимуществ». Ядерный абсентеизм допускался лишь при возможности реализовать свои претензии без применения оружия.

Глубокую трансформацию претерпело в США само понятие войны. В обороте появились «политическая», «экономическая», «социальная», «психологическая» и «война по идеологическим мотивам». В 1948 году многие из них подведут под общую крышу — «холодная война», которая на два де-

сятилетия станет визитной карточкой вашингтонской политики. В одном правительственном документе записано для вящей ясности: «холодная война» в действительности есть «настоящая война, ставка в которой — выживание свободного мира». В каталоге поводов для «горячей войны» — приобретение другими странами технического потенциала для «нападения» на США или установление контроля над районами, из которых американцы или их союзники могут атаковать непосредственно СССР; политические, социальные, экономические и другие «осложнения» внутри государства, объективно полезные Советскому Союзу, независимо от причастности или непричастности внешних кругов к этим «осложнениям»; если время будет работать на «потенциального противника» и вообще когда нападение покажется «лучшей обороной».

При необъятном наборе видов и разновидностей войн и неисчерпаемом перечне поводов для применения оружия международные отношения уподобляются нескончаемой цепи кризисов и испытаний. С точки зрения трумэнговской администрации, нестабильность — плюс. Осложнения облегчали «тщательную, своевременную и достаточно широкую подготовку к войне». Создание «кризисных условий войны», читаем мы в документе тех лет совета национальной безопасности США (СНБ), способствует «мобилизации и координации резервов» Запада к нанесению ударов.

Президент Г. Трумэн толкует «сдерживание» как органическую часть стратегии «отбрасывания Советской власти». Отрицается самая возможность «длительного мирного сосуществования между коммунистическими и капиталистическими государствами» (меморандум № 7 СНБ от 30 марта 1948 года). Атаковать, и не мешкая, накопив «подавляющее превосходство США в атомном оружии». «Сознательно вовлечь Советский Союз в войну в ближайшем будущем... США в состоянии начать и провести достаточно эффективное нападение с целью получения для свободного мира решающего преимущества и, возможно, достижения победы на раннем этапе войны», — варьировала тот же мотив директива № 68 СНБ от 14 апреля 1950 года.

Держа на уме войну, Вашингтон чурался договоренностей с СССР, которые могли бы оздоровить обстановку. Особую неприязнь у деятелей администрации вызывали идеи сдерживания гонки вооружений и разоружения. Раз атомным вооружениям суждено быть, Соединенные Штаты «должны располагать самыми лучшими, самыми большими и в максимальном количестве». Назначение переговоров, по их мнению, — фиксировать «постепенное отступление Советского Союза» и наращивать американский перевес да осложнять отношения СССР с третьими странами. В директиве № 68 СНБ подводилось некое обоснование линии на уклонение от честных и равноправных переговоров: «...Условия для достижения договоренности по важным, остающимся открытыми вопросам... являются неприемлемыми, если не катастрофическими для США и всего остального свободного мира». Сначала сломать реальности, перекроить их к своей выгоде, потом можно и договариваться, если останется с кем.

В документе Комитета начальников штабов (КНШ) от 9 апреля 1947 года содержится такой пассаж: «Районы, на которые распространяются оборонительные обязательства США, охватывают наземное и водное пространство примерно от Аляски до Филиппин и Австралии в Тихом океане и от Гренлан-

дии до Бразилии и Патагонии в Атлантическом океане. В это пространство входит 40 процентов суши, но всего лишь 25 процентов населения Земли. Старый Свет (Европа, Азия и Африка) охватывает 60 процентов суши, однако там проживает 75 процентов населения... Поэтому очевидно, что в случае войны по идеологическим мотивам нам потребуется поддержка некоторых государств Старого Света, чтобы наш потенциал не оказался намного ниже потенциала наших противников».

Последуем за откровениями КНШ дальше: «В перспективе наиболее ценное военное государство в этом районе — Германия. Без помощи Германии остальные страны Западной Европы вряд ли смогут оказывать сопротивление нашим идеологическим противникам в течение времени, достаточного для того, чтобы США успели мобилизовать и привести в состояние боеготовности крупные вооруженные силы, способные нанести поражение противнику. С помощью возрожденной Германии, сражающейся на стороне западных союзников, это было бы возможно».

Р. Рейган не перебарщивал, связав возложение венка на кладбище гитлеровских вояк и головорезов из СС в Битбурге с 40-летием амери-

кано-западногерманского военного сговора. Он лишний раз расписался в том, что руководство США предало дело антигитлеровской коалиции буквально в День Победы, если не раньше. В этот самый миг оно в мыслях своих расколело Германию, Европу, весь мир на враждующие, ошетилившиеся оружием лагеря. А публично лгало, ханжествовало, изворачивалось.

Может сложиться впечатление, что Г. Трумэн лишь шел на поводу у военщины, которая, не израсходовав энергии в сражениях второй мировой войны, жаждала случая разрядиться после ее окончания. Но еще вопрос, кто в 1945 году яростнее молился на ядерные образа в долларовых окладах — военные или политики, кто был первооткрывателем «советских угроз» — громоздкие аппараты разведок или чиновники с буйной фантазией, кто внес решающий вклад в формирование силового стереотипа мышления, идеологизированной внешней политики — профессионалы, возглавлявшие штабы родов войск, или гражданский шеф Белого дома. Большой вопрос, ибо милитаризм в США необязательно выступает при эполетах. Ему вольготно и в штатском облачении.

Не подлежит сомнению одно — США ринулись на тропу конфронтации по внутреннему побуждению. Не внешний мир навязал Вашингтону противоборство, а Вашингтон — внешнему миру. Решение отбросить союзнические договоренности, достигнутые в период войны, было навеяно не трудностями их осуществления, а реакционными догмами.

Не подлежит сомнению одно — США ринулись на тропу конфронтации по внутреннему побуждению. Не внешний мир навязал Вашингтону противоборство, а Вашингтон — внешнему миру. Решение отбросить союзнические договоренности, достигнутые в период войны, было навеяно не трудностями их осуществления, а реакционными догмами.

«Кто не знает начала, тот не поймет и конца» — гласит народная мудрость. Предательство, совершенное при Г. Трумэне, — не только история. Враждебные человечеству концепции 1940—1950-х годов продолжают в теперешнем Вашингтоне. И «оборона на передовых рубежах», и заявки на только для США скроенную безопасность, и произвольное отнесение любого приглянувшегося района мира к сфере «исключительных американских интересов», и непрекращающееся размахивание ядерной дубиной, и многое другое, что делает сегодня существование народов таким тревожным, зародилось сорок лет назад, когда Соединенные Штаты предали дело антигитлеровской коалиции. Их правителей обуял страх перед временем. Оно — неумолимое время — недруг империалистических планов и притязаний. Отсюда категорические «нет» мораторию на производство ядерных бомб в 1946 году. Точно так же, как сегодня, заявляют «нет» в ответ на новую советскую инициативу ввести мораторий на любые ядерные взрывы.

И планы «звездных войн» пришли в наши дни из тех же студеных времен. Именно тогда под руководством гитлеровского генерала В. Дорнбергера и при участии сотен других бывших нацистских «исследователей» в США было предпринято детальное изучение возможностей военного использования космоса. Прорабатывались, в частности, варианты размещения вокруг Земли спутников с ядерными зарядами для нанесения ударов по объектам на вражеской территории, затем вывода из строя с помощью взрывов на околоземной орбите системы коммуникаций «потенциального противника» (проект «Арсус») и прочее.

Запуск советского спутника перечеркнул американские планы монополизировать космос для «наступательных операций», компенсировать таким образом утрату ядерной монополии и достичь решающего военного превосходства. А для «стратегических оборонительных инициатив» типа нынешней рейгановской наука и техника в ту пору не созрели. Планы милитаризации космоса были отложены, но, как показывают факты, не оставлены.

Устремленность на подавление всего неудобного, непонятного, непокорного, мания величия и оголтелый шовинизм, отрицающие чужие права и интересы, — вот она, питательная среда, на которой взращивались и по-прежнему взращиваются доктрины — приговоры другим странам и народам.

Не всегда и не везде политика «с позиции силы» обязательно заканчивалась вооруженным столкновением и войной. Но любая агрессия брала начало с политики силы или кажущейся силы. Нынешняя американская администрация ведет себя так, будто держит в чулане про запас еще один мир, если сегодняшний стгорит. В Вашингтоне, видно, никак не хотят признать элементарной истины — не сбережем этого мира, конечно, во многом несовершенного с точки зрения любой отдельно взятой социальной системы, другого, пригодного для жизни, для споров, для соревнования, не будет. Трагедия Хиросимы и Нагасаки явилась следствием безрассудной жестокости и бессердечного политиканства. Но она станет не напрасной, если горьким уроком своим поможет предотвратить катастрофу еще большую, послужит сохранению жизни на нашей планете. ◆